

Я немного подождала и пошла к Грише. Олега не было и там. Гриша сказал, что Олег прибежал, когда буря только еще начиналась, и стал звать кататься по Днепру. Спешил очень сесть в лодку, выехать на середину Днепра, в бурю побороться с волнами.

Кроме того, в такую погоду, как потом уверял меня Олег, славно ловится рыба — клюет без наживки, только успевай вытаскивать.

Гриша колебался.

Тогда Олег махнул рукой, захватил свои крючки, перемоты и помчался к реке.

Не помню, как я прибежала домой. Выслушав меня, бабушка тоже переполошилась, и мы вдвоем кинулись к Днепру.

Когда мы добрались до реки, уже совсем стемнело. Буря утихла, и только мутные ручьи после недавнего разлива шумно падали с высокого берега в Днепр. Я всматривалась в зловещую ночную темноту, прислушивалась, не послышится ли плеск весел.

— Олег! Оле-же-ек! — без конца кричала я.

Никто не отзывался. Мне казалось, что моего Олега уже нет на свете...

— Мама, что же делать?

Что могла ответить бабушка Вера! Мы бегали по берегу, снова и снова звали сына. Ответа не было. И не могло быть...

Олег ждал нас дома.

Я тогда так рассердилась на него, что и говорить много с ним не могла. Только и сказала:

— Две недели не пойдешь в кино!

Большие влажные глаза сына посмотрели на меня с тихим укором.

На другой день, когда я уже успокоилась, Олег покаялся мне во всем: